

ЦВЕТОК ИЗ-ПОД РУИН

Д-р Эрнест Коробчинский

Итак, вы утверждаете, что никогда не были в Кёппенике и ничего о нем не слышали.

Первому вполне верю, а второму нет. Конечно, когда вы приезжали в Берлин, там находилось, что смотреть, и вам было не до отдаленной части города. Может, вы посещали знаменитый Трептов-парк, и кто-то заметил, что рядом находится Кёппеник, зеленый район, расположенный на берегу озера Мюгельзее. Здесь хорошие яхт-клубы, недалеко виднеется аэропорт Шёнефельд.

Но если даже всего этого не было, вы могли слышать о пьесе Карла Цукмайера "Капитан из

Кёппеника" или видеть одноименный фильм с замечательным Гаральдом Юнке в главной роли.

Старый житель Берлина мог бы вам рассказать, что когда-то это был отдельный индустриальный городок (одна фирма "Адлер" чего стоила), и нацисты специализировали его по военной промышленности. Понятно, что такой район бомбили тщательно, и после войны от него остались одни руины.

Но наступило лето 1945-го года. Одиноким гуляющим советский лейтенант внимательно присматривался ко всему. Он знал, что ничего

из того, что он слышал об этих местах, не сохранилось. Тем не менее ему было всё интересно.

Откроем секрет: здесь родилась его мама. Как она попала в Москву, вышла там замуж, училась, работала – это совсем другая история.

Говорить по-немецки он научился еще в детстве, в школе учительница удивлялась его произношению. В начале войны ему предлагали поступить на ускоренный курс Военного института иностранных языков, но он рвался на фронт и ни о чём другом слышать не хотел. Раненный в тяжёлом бою, он не был подобран своими и попал в немецкий плен. Здесь начинаются невероятные приключения. Почему немцы поверили ему, не расстреляли, не поместили в концлагерь? Почему, когда он бежал из плена, особисты не отправили его тут же на Север, в лагерь или, в крайнем случае, в штрафбат?

Ведь этот путь был уготован всем, кто возвращался из плена. Вероятно его облик, его характер располагали к доверию, а может, Бог дал ему великое счастье встречать на своем пути добрых и порядочных людей.

Во всяком случае, я вижу его, одиноко шагающего среди руин Кёппеника. Ни души вокруг. Вдруг затарахтел военный грузовичок. Старшина весело крикнул:

- Лейтенант, подкрепиться не хочешь?

- Кто ж откажется!

- На, держи!

И в руки ему полетел теплый кирпич белого хлеба. Он шёл вперед, глубоко задумавшись, и чуть не столкнулся с худой женщиной, к которой прижималась пяти-шестилетняя девочка. У женщины был землистый цвет лица, у девочки – страдающие, голодные глаза.

- Это вашей дочери от советского офицера, – сказал он на чистом берлинском наречии и протянул женщине буханку хлеба. Она ничего не ответила. Неизвестно, что её больше поразило – сам поступок или такое правильное немецкое произношение.

Офицер шел дальше. Вдруг остановился: среди руин, рядом с тополем, сверху донизу опалённым миномётным огнём, из-под камня пробился небольшой голубой цветок. "Он словно тянется к голубому небу. Так счастье с трудом пробивается сквозь горе, как будто будущий мир подаёт знаки из-под печальных остатков войны", – подумал лейтенант, и всё тепло летнего дня влилось в него, согрело его душу.

Вдруг сзади послышались шаги. Женщина тронула его за плечо:

- Это вам на память о нашей встрече.

В руках она держала декоративное японское блюдо, только что вынутое из небольшой наволочки. Лейтенант поблагодарил её, и они разошлись в разные стороны.

Он возвратился в свою часть и продолжал службу. В один из последующих дней во дворе раздался шум и все засуетились. Оказалось, приехал генерал Берзарин, комендант советской зоны оккупации Берлина. И, как назло, в то же самое время явились приглашённые немецкие инженеры.

После доклада командира части Берзарин сказал:

- Мне бы тоже хотелось с этими немцами потолковать, но переводчик со мной не приехал.

- Не беспокойтесь. У нас переводчик не хуже вашего.

- Прямо-таки не хуже!

- Подходите, лейтенант.

Беседа с инженерами прошла без трудностей. Генерал стал прощаться:

- Желаю вам благополучно дослужить. А лейтенанта вашего, уж не взыщите, я заберу к себе. Явитесь завтра в девять утра в комендатуру к подполковнику Вяльцеву.

- Слушаюсь!

Кабинет, в котором ему отвели стол, был местом приятным: когда окна были открыты, он наполнялся свежим воздухом. Новая работа требовала точности и кропотливости. Но случалось и много такого, что претило ему, было трудно привыкнуть ко всему, что приходилось видеть. На завоёванной земле чётче проступал характер советских людей. При этом благородные поступки проявлялись реже, а наплевательство, хамство, невежество трудно не заметить, особенно стремление побольше хапнуть для себя, не заботясь, что за это накажут. Официально брать было запрещено, но начальство закрывало глаза, ибо само таскало больше всех. Лейтенант смотрел на это всё и думал: "Вот так вылезает наружу нищета материальная и духовная". А ещё он спрашивал себя: "Где тот Бог, что осуждает и презирает их?"

Настало время демобилизовываться и уезжать домой.

- Явитесь в десять вечера на главный вокзал к подполковнику Гомиашвили. Он начальник эшелона и вас прихватит.

Явился, доложил, а подполковник ему:

- Где ваш багаж?

Он показал на маленький чемодан.

- И это всё?!

Изумление в глазах подполковника.

- Товарищ подполковник, я воевал в Германии, но не участвовал в её разграблении.

Лицо Гомиашвили стало пунцовым. Он крикнул:

- Марш в вагон!

В его власти было отправить лейтенанта за такие слова в тюрьму, в лагерь. Но он оказался порядочным человеком.

...Здесь прервём ненадолго рассказ.

Я прожил долгую жизнь и ненавижу, когда каинова печать ставится на нацию в целом:

- Грузины плохие!

- Немцы плохие!

- Евреи плохие!

Жизнь давно доказала: нет хороших и плохих наций. Есть хорошие люди, такие, как Гомиашвили, и есть подлецы в любой нации. Причём, доброта идет от силы, а злоба – от слабости.

...Состав шёл на Север, минуя Москву.

Машинист объяснил, что он остановит поезд на две минуты, затем направо, полем километра полтора, и там будет другая дорога, Белорусская.

Гомиашвили обнял лейтенанта:

- Прощай, послушай старшего: будь менее говорлив, менее откровенен, а то, не дай Бог, нарвёшься на большие неприятности.

Путь между колосьями пшеницы. Тишина и свежесть раннего утра. До начала осенних дождей еще далеко. Разноголосье птиц казалось демобилизованному офицеру слаженным хором,

приветствующим его возвращение домой.

Показалась новая железная дорога. Пятнадцать километров по шпалам. Усталость и нетерпеливость.

Но вот уже окраина Москвы, Белорусский вокзал.

Довольно долго от лейтенанта не было весточки. Но и похоронки или сообщения, что он пропал без вести, тоже не было. И в семье теплилась надежда, его ждали.

И вот открываются двери, и он входит – небритый, усталый, счастливый.

Жена и дети, материальное положение которых было далеко от благополучного, может, и надеялись на дары из Европы, но не произнесли ни слова упрёка. Все слушали внимательно его исповедь, затем с интересом рассматривали декоративное блюдо.

...Прошли долгие годы, и вот это блюдо рассматриваю я в Любеке, в квартире его сына. После приятной беседы, замечательной музыки и доброго вина мы говорим о блюде, которое, скорее всего, и японским-то не было, просто хороший немецкий мастер сделал его в японском стиле.

Давно умер лейтенант, привезший его в такой же наволочке и очень трепетно к нему относившийся. А сына судьба забросила в Германию. Единственный трофей возвратился на родину.

